

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-28
EDN: ZHQIOO

**Духовный мир «простого человека» в прозе русского неореализма:
художественно-когнитивные акценты**

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. Научное знание о соотносённости в русской литературе рубежа XIX – начала XX столетий системы персонажей и концептуальной парадигматики текстов имеет большой потенциал для корректировки и дополнений. В неореализме, в творчестве А. П. Чехова, М. Горького, Л. Н. Андреева, наблюдается повышенный интерес к нравственно-психологическим типам не идеальным, далеким от классического понимания героизма. Не принадлежа к социальной элите, они обладали богатым внутренним миром, оказывались способны на сильные нравственные поступки, поэтому повествование о быте такого рода персонажей, не из мира дворцов, становилось изучением разных ипостасей духовного бытия человека. Ценностно-содержательный контент художественных текстов часто обнажается именно на границах множественных переплетений системы персонажей. Цель статьи – представить характер, логику нахождения, комментирования, истолкования таких пограничных смыслов, развернуть функции персонажей второго и даже третьего плана. Достижение цели способствует объективации авторских установок, пониманию художественных версий нравственных категорий, национальных ценностей и поднимает восприятие литературы на более высокий уровень.

Основные задачи работы: тип «простого человека» в литературе, раскрытие его художественной феноменальности; выявление авторской тенденциозности в отношении первоценностей личностного существования означенного типа; анализ эстетики, поэтики отдельных рассказов, повестей А. П. Чехова, М. Горького, Л. Н. Андреева.

Решение задач сопровождалось изучением творческих связей между писателями, установлением типологических перекличек, параллелей между произведениями, интерпретацией символики, поэтики, мотивов, предметного мира и его функций.

В работе получено новое знание о ценностных смыслах, эстетике, поэтике, мотивах, архетипах прозы русского неореализма: уточнены авторские позиции, обновлены трактовки произведений Чехова, Горького, Л. Андреева, установлена типология между ними. Приведены оригинальные находки и сделан ряд заключений; обновлена методика исследования и намечены его перспективы.

Материал статьи интерпретируется в событийно-биографическом, историко-литературном аспектах. Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы XIX–XX веков.

Ключевые слова: мотивы, архетипы и образы русского неореализма; поэтика прозы А. П. Чехова, М. Горького, Л. Н. Андреева; функциональные аспекты системы персонажей; аллюзии в искусстве слова; предметный мир произведения литературы; типологические отношения в художественном творчестве; осмысление произведения литературы

Для цитирования: Иванов Н. Н. Духовный мир «простого человека» в прозе русского неореализма: художественно-когнитивные акценты // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 28–35. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-28>. <https://elibrary.ru/ZHQIOO>

Original article

Spiritual world of a «common man» in russian neorealism: artistic and cognitive aspects

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor at the department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Republikanskaya str., 108/1
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. Scientific knowledge about the correlation between the character system and conceptual paradigms in russian literature at the turn of XIX–XX centuries has a great potential for adjustments and additions. Neorealism, in particular the works by A. P. Chekhov, M. Gorky, L. N. Andreev, show an increasing interest in moral and psychological types of characters that are not ideal, far from the classical understanding of heroism. Not being part of the social elite, they have a rich inner world and are capable of great moral deeds, therefore the account of the life of such characters, not from the world of palaces, becomes an examination of different hypostases of human spiritual existence. The value content of literary texts is often clearly revealed through the interaction of the character systems. The aim of the article is to present the nature, the logic of commenting on, and interpreting such boundary meanings, and to elaborate on the functions of supporting characters. Achieving its goal, the article contributes to the objectification of authorial attitudes, to understanding literary versions of moral categories and national values, and raises the perception of literature to a higher level.

The main tasks of the work: revealing the artistic phenomenality of the «common man» in literature; showing the writer's bias with regard to the primary values of this person's existence; analyzing aesthetics and poetics of particular stories and novels by A. P. Chekhov, M. Gorky, L. N. Andreev.

The research also involves studying creative connections between the writers, establishing typological similarities and parallels in the works, interpreting symbolism, poetics, motifs, the objective world and its functions.

The research methods used are metatextual, motif, structural-semantic, semiotic analyses; cultural approach to the text; as well as historical-literary, comparative-historical, biographical, value-axiological methods.

The most significant results of the work are as follows: new understanding of the value meanings, aesthetics, poetics, motifs, archetypes of russian neorealist prose including clarifying the authorial positions, updating the interpretations of the works by Chekhov, Gorky, L. Andreev, and describing their typology. The author presents some original findings and makes a number of conclusions; the research methodology is updated and its prospects are outlined.

The material of the article is interpreted in event-biographical, historical and literary aspects. The work is addressed to philologists, literary critics, and researchers of XIX–XX centuries russian literature.

Key words: motifs, archetypes and images of russian neorealism; poetics of the prose by A. P. Chekhov, M. Gorky, L. N. Andreev; functional aspects of character systems; allusions in the art of the word; the objective world of a literary work; typological relations in creative work; comprehension of a literary work

For citation: Ivanov N. N. Spiritual world of a «common man» in russian neorealism: artistic and cognitive aspects. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(4):28–35. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-28>. <https://elibrary.ru/ZHQIOO>

Введение. Постановка проблемы. Актуальность. Русский неореализм, литература конца XIX – начала XX столетий и классический реализм XIX века существенно отличается мировоззренчески и эстетически. Философия неореализма обогатила знание о духовном мире, изменила концепцию личности, ввела новый тип героя – т. н. срединного человека. А. П. Чехов, М. Горький, А. М. Ремизов, Л. Н. Андреев, другие писатели разрабатывали этот тип в контексте представлений о т. н. человеке простом, в плане социальном далёком от идеалов искусства XVIII, XIX веков, в плане нравственно-психологическом на героизм не претендующем [Иванов, 2022]. В области эстетики, поэтики усложнились структура повествования, отношения между автором, повествователем и героем, концептуальность системы персонажей стала иной: изображение быта перетекает в подробное изучение духовного мира личности, целей, возможностей её существования, смысла и бессмыслицы бытия. Множественные переплетения персонажей, повествования, мотивов, предметного мира обнажили ценностно-содержательный контент прозы. Потому представляется актуальным наметить пути изучения возможных переключек, связей, проекций системы персонажей и концептуальной парадигматики

текстов по линии этих обнажений. С другой стороны, избранное направление анализа должно прояснить художественную типологию неореализма, что уже само по себе имеет научную привлекательность.

Цель работы – представить логику нахождения, истолкования пограничных смыслов, развернуть функции персонажей второго, третьего плана. Достижение цели способствует объективации авторских версий личностных и национальных ценностей, углубляет восприятие литературы.

Основные задачи работы: раскрыть тип *простого, срединного человека* как художественный феномен; выявить авторскую тенденциозность в отношении первоценностей личностного существования означенного типа; проанализировать эстетику, поэтику отдельных рассказов, повестей А. П. Чехова, М. Горького, Л. Н. Андреева, установить художественную типологию в творческом поиске разных авторов. Рассмотреть проблему художественного мастерства.

Материал исследования: художественные произведения, варианты, дневники, публицистика, переписка писателей и воспоминания о них, биографические данные; научные, справочные труды по теме.

Основные методы исследования: метатекстуальный, мотивного анализа, семиотический, структурно-семантический; культурологический, ценностно- аксиологический, контекстный подход, творческие интерпретации произведения литературы; были востребованы также историко-литературный, сравнительно-исторический, биографический методы.

Описание проведённого анализа. Процесс исследования. В работе исследуются авторские концепты, художественные версии духовного мира русского человека, преимущественно, человека простого. С целью объективации выводов и ожидаемых результатов был проведён детальный анализ текстов: структура, повествование, мотивы, система персонажей, предметный мир, разного рода атрибутика и детали произведений.

Доминирующий персонаж русской литературы XIX века – дворянский интеллигент, часто аристократ, пусть и обедневший, реже – разночинец, ещё реже представитель экзотического мира – простолюдин. Личностная, социальная дифференциация персонажей – аристократия, творческая интеллигенция и простые люди – отчётливо просматривается у Чехова, Андреева, А. Толстого, Горького и даже Пришвина. Духовные, нравственные ценности, эстетические идеалы тех и других в значительной степени были детерминированы социальным статусом, средой, родом деятельности. Культура усадеб, дворцов, искусство, образование формировали идеалы, ментальность господ. Интеллектуализм – профессия и образ жизни дворянского интеллигента. В конце XIX века и начале XX многие основания сдвинулись, акценты сместились.

1. Среда, природа и культура в проекциях на духовный мир детей-простолюдинов. Мотивы учения, скуки, рефлексии. Мир изысканный и обнажённый. Критерии эстетического совершенства человека.

Нравственные коллизии, ценностно-смысловые отношения А. Чехов обсуждать не любил; избегая дидактизма, мог выдвинуть на первый план детей и даже собак; так сделаны рассказы второй половины 1880-х годов – «Кухарка женится», «Ванька», «Каштанка». Аналогичный приём использовал и Л. Н. Андреев: в рассказах рубежа XIX–XX столетий «Петька на даче», «Ангелочек», «Кусака» главные герои – дети, собаки, будь то мальчик из парикмахерской Петька, или не состоявшийся гимназист Сашка, или дачница Лёля, или собаки Кусака, Васюк. Сочинения эти не детские, а писатели – не анималисты. Личностной пессимизм Чехова, Андреева не исключал повествования о гармонии между людьми, напо-

минал о привязанностях сильных, потребностях естественных; эту задачу намёков решали существа искренние и часто бессловесные: дети, дети-простолюдины, собаки, мир которых сформирован не культурой или знанием, но первоосновами чувственного бытия: боль – это боль, любовь – любовь.

В 1886 году опубликован рассказ Чехова «Ванька», герой которого, Ванька Жуков, прерываясь на воспоминания, сочиняет письмо дедушке. В рассказе четыре части собственно письма и пять от повествователя.

Девятилетний Ванька три месяца назад отдан «в ученье» к сапожнику. После смерти его матери Пелагеи, горничной у господ, Ваньку «спроводили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину» [Чехов, 1978, с. 31]. Эпистолярный жанр, литературные приёмы – не стиль Ваньки; более того, фон письма – недавняя смерть матери; в мифопоэтике это – первоначальная беда [Пропп, 1998]; она мыслится как та непреодолимая сила, которая выталкивает человека в мир внешний, враждебный, жестокий. Голод, унижения, побои обостряют душевные страдания Ваньки-сироты. О сиротстве говорит два раза он сам и один раз автор. Нет у него, «сироты несчастной», «ни отца, ни маменьки», только один дедушка Константин Макарыч [Чехов, 1978, с. 31].

Литературный родственник Ваньки – десятилетний Петька из рассказа Л. Андреева «Петька на даче», 1899. Он – сын кухарки Надежды, живёт в Москве, отдан в ученье к парикмахеру Осипу Абрамовичу. Один рассказ – четыре страницы, другой – немногим более, но оба прошиты сложной системой мотивов.

Среда, люди: дед, собаки, барышня. Склонившись над листом бумаги, Ванька живо вообразил «милого дедушку, дедушку милого». Дедушка служит у господ Живарёвых ночным сторожем. Это «маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижный старикашка, лет шестидесяти пяти с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами» [Чехов, 1978, с. 28]. Опустив головы, за ним шагают две собаки – старая Каштанка и кобель Вьюн. Зачем они, как связаны люди и собаки? Годом позднее вышел рассказ «Каштанка» (1887), кличку собаки он повторил, мотивы рассказа «Ванька» воспроизвёл. Вникая в духовные потенции человека не по линии анимализма, но общих для всех живых существ законов, Андреев более, нежели Чехов, демонстрирует антропологический пессимизм. В начале 1902 г. он писал К. И. Чуковскому об исследовании не социального статуса героев, но «одной души» всего живого, «одних страданий», равенства «перед грозными силами

жизни» [Чуковский, 1959, с. 270]. Контекст соседства людей и собак работает на иллюстрацию столь грозных сил, которые дети, четвероногие чувствуют тоньше, воспринимают полнее.

Живучесть деда Ваньки, собак – природная. Вьюну «не раз отбивали задние ноги, раза два его вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал» [Чехов, 1978, с. 29]. Под «почтительностью и смирением» этого пса скрывается «самое иезуитское ехидство» [Чехов, 1978, с. 29]. Дед уравнивал баб, собак, предлагая тем и другим нюхать табак. Каштанка «крутит мордой и, обиженная, отходит в сторону» [Чехов, 1978, с. 29], бабы чихают, а дед приходит в неописанный восторг, заливаясь весёлым смехом.

Мотивы учения, рефлексии, скуки. Чему, как и зачем учила Ваньку его *любимица* – барышня Ольга Игнатьевна? «Когда ещё была жива Ванькина мать <...> Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили» [Чехов, 1978, с. 31]. Педагогические инициативы барышни как лейтмотив литературы XIX, XX веков производны от романтизма, рефлексии и откровенной скуки: Ольга Игнатьевна учила Ваньку «от нечего делать»; в рассказе «Петька на даче» скучающая барыня жалеет Петьку, стоя перед зеркалом; скучает Лёля в рассказе Андреева «Кусака», в его же рассказе «Ангелочек» Софья Дмитриевна определяет Сашку в гимназию, затем, накануне Рождества, в ремесленное; из гимназии Сашку как представителя «подлого народа» [Данилевский, 1891] выгнали за «дурную кровь» [Андреев, 1983, с. 32]. Дополним: противоречия духовного роста Николеньки Иртеньева и народные школы уже знаменитого Толстого, поездка Чехова на Сахалин, учительство в биографии, творчестве М. Пришвина – повесть «Мирская чаша»; наконец, характерная повесть В. Распутина «Уроки французского». Данная тематика развёрнута в изобразительном искусстве, в кино.

Оксюморон – Ванька и кадрили – выдаёт иронию Чехова в отношении учительских начинаний Ольги Игнатьевны. Ваньку она не учит, но выучивает, будто дрессирует; результаты даны по восходящей: умения читать, писать, считать до ста, но самый сложный и высокий – танцевать кадрили.

Собачку Каштанку дрессирует (учит) в цирке её новый хозяин и вполне успешно. «И он стал учить её разным наукам. В первый урок она училась стоять и ходить на задних лапах, что ей ужасно нравилось. Во второй урок она должна была прыгать на задних лапах и хватать сахар <...> она плясала, бегала на корде, выла под му-

зыку, звонила и стреляла, а через месяц уже могла с успехом заменять Фёдора Тимофеича в „египетской пирамиде“. Училась она очень охотно и была довольна своими успехами; беганье с высунутым языком на корде, прыганье в обруч и езда верхом на старом Фёдоре Тимофеиче доставляли ей величайшее наслаждение. Всякий удавшийся фокус она сопровождала звонким, восторженным лаем, а учитель удивлялся, приходил тоже в восторг и потирал руки. – Талант! <...> – Ну-с, Тётушка <...> сначала мы с вами споём, а потом попляшем». Хозяин цирка раскрыл талант Каштанки и добился успеха. Ольга Игнатьевна мотивирует Ваньку леденцами; сапожник – колодкой и шпандырем: «А намедни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и насилу очухался» [Чехов, 1978, с. 31]. «А вчера мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребялёнка в люльке и по нечаянности заснул <...> Подмастерья надо мной насмеются, посылают в кабак за водкой и велют красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попадя» [Чехов, 1978, с. 29].

Учение Петьки. Дети-простолудины в прозе Чехова, Андреева, Горького учатся не из стремления к знаниям, но от нужды: мать Ваньки умерла; мать Петьки, кухарка Надежда, полагает, что Осип Абрамович выведет в люди сына, её единственную опору. Сходные обстоятельства направляют Алексея Пешкова в мир ремесла, знания, науки: повести «В людях», «Мои университеты» [Белова, 2004]. Парикмахерская, школа Петьки, соседствует с кварталом домов «дешёвого разврата» [Андреев, 1988, с. 20]; вводит его и в профессию, и в жизнь на три года старший товарищ Николка. «Николка важничал и держался, как большой: курил папиросы, сплёвывал через зубы, ругался скверными словами и даже хвастался Петьке, что пил водку, но, вероятно, врал <...> Петьке было десять лет; он не курил, не пил водки и не ругался, хотя знал очень много скверных слов, и во всех этих отношениях завидовал товарищу» [Андреев, 1988, с. 20, 21]. Накапливая опыт, Петька начинает понимать, что и жестокость, и любовь – в глубине людской природы, но в парикмахерской, в Москве, он видит грубую физиологию, деформации обнажённой натуры. «Николка знал по именам многих женщин и мужчин, рассказывал о них Петьке грязные истории и смеялся, скаля острые зубы. А Петька изумлялся тому, какой он умный и бесстрашный, и думал, что когда-нибудь и он будет такой же. Но пока ему хотелось бы куда-нибудь в другое место» [Андреев, 1988, с. 22].

Гармония природы и культуры как вершина эстетического совершенства человека. Идеалы Руссо. Антитеза леса и сада. Мать и Петька едут к господам на дачу в Царицыно. Из «пропитанной скучным запахом дешёвых духов, полной надоедливых мух и грязи» парикмахерской [Андреев, 1988, с. 20], из грязного квартала Петька перенёсся в чудесный мир: зелёное царство природы; дворец, парк, пруды усадьбы Царицыно. Небо здесь смеялось, «как мать», и было «удивительно ясным и широким» [Андреев, 1988, с. 23, 24]. Робкая «душонка» Петьки «смята» богатством, силой новых впечатлений; «слабый и беспомощный» [Андреев, 1988, с. 24] перед лицом природы, через два дня он при содействии гимназиста Мити из Старого Царицына вступил с ней «в полное соглашение» [Андреев, 1988, с. 25]. Мудрец Вергилий, проводник заблудившегося в волшебном лесу Данте, выводит поэта к свету. Вергилий владеет божественным миропорядком и может подготовить миссию по спасению одной души, он обладает тайным знанием [Энциклопедия символов, с. 135]. Чтобы преодолеть Ад и подняться на вершину горы, Данте должен пройти через подземный мир [Auerbach Erich, 1967; 2007].

Парикмахерская – ад Петьки. Митя-гимназист имеет доступ к знанию; Старое Царицыно – его родная среда. «Неистощимый на выдумки» [Андреев, 1988, с. 25] Митя – антипод порочного Николки – ведёт Петьку из ада к естественной жизни, знакомит с природой, достижениями культуры: купаются, ловят рыбу и проч., исследуют развалины дворца, поднимаются на крышу, видят растущие на камнях молодые рябины, берёзки. «Там было очень хорошо» [Андреев, 1988, с. 25]. Лицо Мити было «смугло-жёлтым <...> волосы на макушке <...> были совсем белые – так выжгло их солнце» [Андреев, 1988, с. 25]. Петька снял гимназическую куртку, бегал босой, что «в тысячу раз приятнее, чем в сапогах с толстыми подошвами», он «изумительно помолодел» [Андреев, 1988, с. 26]. Дети варьируют идеал т. н. естественного человека Жана-Жака Руссо: внутренний мир личности раскрывается на лоне природы при условии свободы от внешнего насилия.

В Царицыно бывали статусные, в современной терминологии, дачники: Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев, А. П. Чехов, И. А. Бунин, М. А. Балакирев, П. И. Чайковский, В. О. Ключевский, К. А. Тимирязев, С. А. Муромцев (председатель первой Государственной Думы). Л. Андреев написал здесь рассказ «Петька на даче», повесть «Жизнь Василия Фивейского», 1903 [Дякина, 2022; Кен, Рогов, 2010].

Дачи располагались на землях прежней царской резиденции: дворцы, бывшие кавалерийские корпуса, исторический парк. Архитектурный стиль ансамбля – *русская готика* – синтез средневекового и древнерусского стилей. По велению Екатерины II комплекс создавали Василий Баженов, Матвей Казаков. Большой дворец, Хлебный дом, Оперный дом; фасады, белокаменная резьба, башенки, флигели, ажурные арки, фигурные мосты – все постройки эстетически безупречны. Композиция зданий, ландшафта парка, прудов решала задачу гармонии архитектуры и природы.

После смерти императрицы в 1796 году комплекс запустел. Большой дворец напоминал классические руины; в 1880 году частично обрушилась кровля; остатки крыши снесли, *готические* завершения башен разобрали. Снесли заброшенное оранжерейное хозяйство, но и в таком состоянии ансамбль производил сильное впечатление [Москва, которая есть, 2013]. В 1865 году была открыта станция Царицыно Курской железной дороги, по ней и добирались на дачу Петька и мать.

Архитектурные параллели Андреев не развернул, дал аллюзивно. Изображение архитектуры в искусстве слова, экфрасис [Есаулов, 2001; Минералова, 2019] продуцирует идеи величия, гармонии, совершенства, красоты, эстетических возможностей человека. Царицынские руины, классика архитектуры, как и тайные движения стихий природы, повернули мальчика из парикмахерской именно в эту сторону. «Постепенно Петька почувствовал себя на даче как дома и совсем забыл, что на свете существует Осип Абрамович и парикмахерская» [Андреев, 1988, с. 25].

Чудесный случай привёл Петьку на дачу; враждебная необходимость заставила её покинуть: в письме из города «куфарке Надежде» Петьку затребовали в парикмахерскую. Показательна сцена расставания. Осознав неизбежность отъезда, Петька кричит, катается по земле. Он *удивил* мать, *расстроил* барыню и барина [Андреев, 1988, с. 27]; последние в роли наблюдателей, статистов; им жаль Петьку, но духовные запросы господ далеки от страданий мальчика. Лёля в рассказе «Кусака», беседуя с мамой о судьбе собаки, порывалась заплакать, но этого не случилось. Лёле ведом широкий спектр нравственных движений, и она успешно управляет ими, смиряя естество воспитанием.

Ваньку выучили и выкинули, как ненужную собаку, как когда-то потеряли Каштанку; приручили, затем бросили Кусаку; без явного сочувствия вернули в парикмахерскую Петьку. Мотив *дети и господа* в прозе неореализма не перифе-

рийный: Петькино горе не отвлекло господ от подготовки к танцам в саду Дипмана, и барыня перед зеркалом вкалывает в волосы белую розу. Эта деталь оттеняет элегантность, утончённость барыни, подчёркивает искусственность её украшательства. Красива, но декоративна и пресыщена любимица Ваньки Ольга Игнатьевна.

Ценностный мир парикмахерской, мастерской сапожника построен вокруг обнажения порочной, деформированной натуры; духовность персонажей-дачников облагорожена, как сад, отшлифована воспитанием, культурой, спокойно-умеренная, без эмоциональных амплитуд. Внутренний мир детей-простолудинов, Ваньки, Петьки, Сашки, других, лишён эстетизма и естественный, как лес.

2. Сокровенное и сакральное в духовном мире детей-простолудинов. Инферно. Мотивы чудесного вмешательства и преодоления страданий. Дети и ангелы. Детские души и мотив несостоявшегося падения.

Сокровенное в духовном мире детей-простолудинов по-своему сакрально: письмо Ваньки, ангелочек в одноимённом рассказе Андреева, царичинские впечатления Петьки, религиозные переживания Алексея Пешкова в иконописной мастерской. Время в рассказе Чехова – Рождественская ночь; хозяева и подмастерья ушли к заутрене. Создание письма синхронизировано с церковной службой; над Ванькой – тёмный образ, сам он – на коленях перед скамьёй, на которой лежит бумага, как перед алтарём, тёмное окно отражает его свечку. Внутренний взор девятилетнего мальчика устремлён в безбрежность, резонирует с величием звёздного неба. Медитация, молитвенность, священнодействие – таков Ванькин порыв, и он продуктивнее, чем вкалывание розы в волосы, пусть и белой.

Сакральность – инфернальный контент рассказа. Это Рождественские архетипы, мотивы, атрибуты: заутреня, ночной сторож, звёздная ночь; ель в лесу, чудесное избавление от страданий, бездомности, сиротства. Атрибуты сокровенного мира Ваньки – *малые* детали в письме: ёлочные украшения, гостинцы с ёлки у господ (золочёный орех), зелёный сундучок, чтобы этот орех спрятать, музыкальный инструмент гармония.

В процессе письма Ванька подумал, что дед сейчас «стоит у ворот, шурит глаза на ярко-красные окна деревенской церкви» [Чехов, 1978, с. 29]. Дневная ипостась деда – бытовая: людская кухня, общество кухарок, собаки. Другая ипостась – инфернальная: дед – ночной сторож. «А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна <...> Всё небо усыпано <...> звёздами, и Млечный Путь вырисовывается так

ясно, как будто его перед праздником помыли и потёрли снегом <...> Ванька вздохнул <...> и продолжал писать» [Чехов, 1978, с. 29]. В волшебном ночном пейзаже, нежной лунной гамме угадываются мифопоэтические мотивы, в религиозоведении трактуются неоднозначно [Simmons, 2018], приметы немецкой рождественской песни (Das Weihnachtslied) «Тихая ночь» – «Stille Nacht, heilige Nacht» [Иванов, Зимина, 2020]. Приводим основные со ссылками на один из вариантов текста песни; впервые исполнена во время мессы 25 декабря 1818 года в кафедральном соборе Оберндорфа.

Stille Nacht, heilige Nacht! – буквально – тихая святая ночь. Все спят, один Ночной Сторож на небе, на вахте: Alles schläft, einsam wacht. Сцены с пастухами, ангелом, приходом Божьего Сына (Gottes Sohn) венчаются прославлением свершившегося чуда и всеобщим ликованием – Христос, Спаситель, уже здесь: Tönt es laut von fern und nah: Christ, der Retter, ist da!

Дед-сторож актуализирует мотив неба, оберегает покой Рождества; причастен к нему и Ванька, соработник, не одинокий созерцатель: его письмомолитва непременно дойдёт, смеются же над концовкой письма «на деревню дедушке» люди жестокосердные, ограниченные, недалёкие. Контаминации деда с Дедом Морозом и Святым Николаем уместны в фольклорно-мифологической парадигме рождественских чудес. Ванька вспомнил, что ночью дед окутан в просторный тулуп, что ёлку из леса господам приносили он и внук. У ёлки «больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки» [Чехов, 1978, с. 31]. Как и другие несчастные дети, которые пишут Деду Морозу [Душечкина, 2003; Хромова, 2003], Ванька верит в мистические способности деда. Мотивы чудесного вмешательства, преобразования усилены деталью: Пелагея, мать Ваньки, повторяет имя ключницы Пелагеи из повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»; ключница исцелила больного Серёжу, погрузив его в волшебный мир сказки «Аленький цветочек». Дедушка масштабнее Ваньки, он и есть главный герой повествования, вероятно. Имманентный смысл рассказов Чехова, Андреева: Рождества без ангелов не бывает. Бытовой план рождественских текстов сакрализован: дети-простолудины встречаются с ангелами, могут взять на себя их функции, узреть небесный свет. Андреевский Сашка изгнан из гимназии, прошёл через материнские кулаки, но ангелочек в виде ёлочной игрушки явился и напомнил ему об ином мире. Петька открыл мир чудесный на даче; Ванька – над листом бумаги. У Ваньки – «всё небо усыпано весело ми-

гающими звёздами», у Петьки небо «удивительно ясное и широкое» и «тёмно-синее», которое «звало его к себе и смеялось, как мать» [Андреев, 1988, с. 24].

Чехов, Андреев, Горький связали мотивы страдания, преображения и несостоявшегося падения детских душ: преображение как результат преодоления страданий, как новое качество духовного бытия Ваньки, Петьки, Сашки, Алексея Пешкова обеспечено внутренними усилиями, глубиной страдания. Дети причастны к тайнам; преображение страшает от падения. Преображение Ваньки – в его письме, оно сочинялось на фоне смерти матери (умерла 3 месяца назад); нравственная боль усугублена физическими мучениями: Ваньку бьют, морят голодом, лишают сна, унижают. Преображение Петьки – созерцание гармонии природы и архитектуры. В отличие от открытых финалов рассмотренных рассказов Чехова, финалы рассказов склонного к антропологическому пессимизму Андреева «Петька на даче», «Ангелочек», «Кусяка» и многих других смонтированы так, что персонажи возвращаются к исходной точке странствий, констатируют равенство «перед грозными силами жизни». Духовное сиротство, бездомность при живых родителях и наличии дома выталкивают в большой мир Алексея Пешкова.

Результаты исследования. Заключение. Выводы. Расширенный инструментальный филологический исследования, в частности, комплексный метатекстуальный подход к произведению литературы, позволил получить новое знание и дополнить научные представления о прозе русского неореализма в соотнесённости с реализмом XIX века. Были изучены творческие связи, установлены типологические переключки между писателями, прежде всего, А. П. Чеховым, Л. Н. Андреевым, по определённым тематическим направлениям; в функциональных аспектах интерпретировались мотивы, архетипы, символика, поэтика, предметный мир в сочинениях, главными героями которых является т. н. «простой человек» и дети-простолудины как его разновидность.

Сформулированы сущностные характеристики персонажей, относимых к типу «простого человека», раскрыта его художественная феноменальность; выявлена авторская тенденциозность в отношении первоценностей личностного бытия представителей означенного типа. Функции персонажей, принадлежащих к указанному типу, развернуты в процессе объективации авторских установок, прояснения их художественных версий нравственных, национальных ценностей.

Авторские концепции духовного мира детей-простолудинов в сочинениях Чехова, Андреева, Горького выделены, описаны, систематизированы со стороны фольклорно-мифологических мотивов и архетипов, пожалуй, впервые. Восполнены связи, переключки по означенным линиям между произведениями названных писателей, каждый из которых является индивидуальностью выдающейся и творчески неповторимой. Поэтика произведений Чехова, Андреева обусловлена строем авторских раздумий, запечатлённых открыто или ассоциативно, средствами подтекста: уход от дидактизма и морализаторства, усиление веса внесюжетных средств создания образности. Следует назвать также уплотнение письма, текста, наполнение повествования мотивами, архетипами, переключки с литературной традицией XIX века, но и полемизм с нею. Подобная соотнесённость содействовала, во-первых, представлениям о состоянии, содержании современной писателям жизни, прояснению её первооснов. Во-вторых, уточнению авторских эстетических идеалов прозаиков через данную в их текстах соотнесённость детей и взрослых, господ и простых людей, культуры и природы, наконец, прошлого и настоящего, разума и материи.

Продемонстрированная в работе методология и приёмы анализа, интерпретации, осмысления художественного материала может оказаться продуктивной при изучении последующих периодов русской литературы.

Библиографический список

1. Андреев Л. Н. Избранное / сост. В. А. Богданов. Москва : Сов. Россия, 1988. 336 с.
2. Ауэрбах Э. Данте и Вергилий. Эссе / перевод Н. Ковалева // Prosōdia, 2020/12.
3. Белова Т. Д. Эволюция эстетических взглядов М. Горького (1890-е – 1910-е гг.) в контексте культурологических исканий эпохи : монография. Москва : Изд-во Моск. обл. ун-та, 2004. 344 с.
4. Данилевский Г. П. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник, 1891. Т. 43. № 1. С. 32–69.
5. Душечкина Е. В. Сборники детских поздравительных стихов XIX века // Детский сборник. Антропология. Фольклор. Новые исследования. Москва : ОГИ (Объединённое гуманитарное издательство), 2003. 448 с. С. 17–27.
6. Дякина А. А. Иван Бунин – публицист. Москва : Флинта, 2022. 164 с.
7. Есаулов И. А. Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 43–56.
8. Иванов Н. Н. Типы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма : научная монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 235 с.
9. Иванов Н. Н., Зимина Л. И. Царство «небесно-земное, духовно-плотское»: рецепция мотивов Гёте в

творческой эволюции М. Пришвина Лесной царь, Фауст, Мефистофель // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2. С. 43–48.

10. Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. Санкт-Петербург : Коста, 2010. 428 с.

11. Минералова И. Г. Основы филологической работы с текстом. Анализ художественного произведения : учеб. пособие для академического бакалавриата. Москва : Юрайт, 2019. 200 с.

12. Москва, которая есть / сост. А. Алексеев. Москва : Департамент культурного наследия г. Москвы, 2013. С. 56–62.

13. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Москва : Лабиринт. Т. 1, 2. 1998. Смерть матери, первоначальная беда.

14. Хромова А. В. Письма детей Деду Морозу // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства / сост. Е. В. Кулешов, И. А. Антипова. Москва : ОГИ, 2003. С. 99–109.

15. Чехов А. П. Рассказы. Казань : Татарское кн. изд-во, 1978. 320 с.

16. Чуковский К. И. Из воспоминаний. Москва : Советский писатель, 1959. 464 с.

17. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. Москва : Локид; Миф, 1999. 576 с.

18. Auerbach E. Geschichte und Aktualität eines europäischen Philologen/ Karlheinz Barck, Martin Tremml (Hrsg.). Berlin : Kulterverlag Kadmos, 2007.

19. Auerbach Erich. MIMESIS. Dargestellte Wirklichkeit in der abendlandischen Literatur. Bern und Munchen, 1967. 532 p.

20. Simmons K. An Examination of the Christmas Date in Several Early Patristic Writers // Questions Liturgiques, № 98, 2018. 38 p.

Reference list

1. Andreev L. N. Izbrannoe = Selected works / sost. V. A. Bogdanov. Moskva : Sov. Rossiya, 1988. 336 s.

2. Auferbach Je. Dante i Vergilij. Jesse = Dante and Virgil. Essays / perevod N. Kovaleva // Prosōdia, 2020/12.

3. Belova T. D. Jevoljucija jesteticheskijh vzgljadov M. Gor'kogo (1890-e – 1910-e gg.) v kontekste kul'turologicheskijh iskanij jepohi = Evolution of M. Gorky's aesthetic views (1890s – 1910s) in the context of cultural quests of the time : monografija. Moskva : Izd-vo Mosk. obl. un-ta, 2004. 344 s.

4. Danilevskij G. P. Iz literaturnyh vospominanij = From literary memoirs // Istoricheskij vestnik, 1891. T. 43. № 1. S. 32–69.

5. Dushechkina E. V. Sborniki detskih pozdravitel'nyh stihov XIX veka = Collections of children's congratulation poems of XIX century // Detskij sbornik. Antropologija. Fol'klor. Novye issledovanija. Moskva : OGI

(Ob#edinjonnoe gumanitarnoe izdatel'stvo), 2003. 448 s. S. 17–27.

6. Djakina A. A. Ivan Bunin – publicist = Ivan Bunin – a publicist. Moskva : Flinta, 2022. 164 s.

7. Esaulov I. A. Jekfrasis v russkoj literature novogo vremeni: kartina i ikona = Ekphrasis in Russian literature of the modern time: the picture and the icon // Problemy istoricheskij pojetiki. 2001. № 6. S. 43–56.

8. Ivanov N. N. Tipy i obrazy nacional'noj kul'tury v proze russkogo neorealizma = Types and images of national culture in the Russian neorealist prose : nauchnaja monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 235 s.

9. Ivanov N. N., Zimina L. I. Carstvo «nebesno-zemnoe, duhovno-plotskoe»: recepcija motivov Gjote v tvorcheskij evoljucii M. Prishvina Lesnoj car', Faust, Mefistofel' = The kingdom of «heavenly-earthly, spiritual-carnal»: reception of Goethe's motifs in M. Prishvin's creative evolution The Forest King, Faust, Mephistopheles // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 2. S. 43–48.

10. Ken L. N., Rogov L. E. Zhizn' Leonida Andreeva, rasskazannaja im samim i ego sovremennikami. = Leonid Andreev's life as told by himself and his contemporaries. Sankt-Peterburg : Kosta, 2010. 428 s.

11. Mineralova I. G. Osnovy filologicheskij raboty s tekstom. Analiz hudozhestvennogo proizvedenija = Basic philological work with the text. Analyzing a work of fiction: ucheb. posobie dlja akademicheskogo bakalavriata. Moskva : Jurajt, 2019. 200 s.

12. Moskva, kotoraja est' = Moscow which exists / sost. A. Alekseev. Moskva : Departament kul'turnogo nasledija g. Moskvyy, 2013. S. 56–62.

13. Propp V. Ja. Morfolgija volshebnij skazki. Istoricheskie korni volshebnij skazki = Morphology of the fairy tale. Historical roots of the fairy tale. Moskva : Labirint. T. 1, 2. 1998. Smert' materi, pervonachal'naja beda.

14. Hromova A. V. Pis'ma detej Dedu Morozu = Children's letters to Father Frost // Detskij sbornik: Stat'i po detskoj literature i antropologii detsva / sost. E. V. Kuleshov, I. A. Antipova. Moskva : OGI, 2003. S. 99–109.

15. Chehov A. P. Rasskazy. = Short stories. Kazan' : Tatarskoe kn. izd-vo, 1978. 320 s.

16. Chukovskij K. I. Iz vospominanij = From memoirs. Moskva : Sovetskij pisatel', 1959. 464 s.

17. Jenciklopedija simbolov, znakov, jemblem = Encyclopedia of symbols, signs, emblems. Moskva : Lokid; Mif, 1999. 576 s.

18. Auerbach E. Geschichte und Aktualität eines europäischen Philologen/ Karlheinz Barck, Martin Tremml (Hrsg.). Berlin : Kulterverlag Kadmos, 2007.

19. Auerbach Erich. MIMESIS. Dargestellte Wirklichkeit in der abendlandischen Literatur. Bern und Munchen, 1967. 532 p.

20. Simmons K. An Examination of the Christmas Date in Several Early Patristic Writers // Questions Liturgiques, № 98, 2018. 38 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 25.09.2025; approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025